

НЕВЕДЕНИЕ
ОТЦА БРАУНА

САПФИРОВЫЙ КРЕСТ

Между серебряной лентой утреннего неба и зеленой блестящей лентой моря пароход причалил к берегу Англии и выпустил на сушу темный рой людей. Тот, за кем мы последуем, не выделялся из них — он и не хотел выделяться. Ничто в нем не привлекало внимания; разве что праздничное щегольство костюма не совсем вязалось с деловой озабоченностью взгляда. Легкий серый сюртук, белый жилет и серебристая соломенная шляпа с серо-голубой лентой подчеркивали смуглый цвет его лица и черноту эспаньолки, которой больше бы пристали брыжи елизаветинских времен. Приезжий курил сигару с серьезностью бездельника. Никто бы не подумал, что под серым сюртуком — заряженный револьвер, под белым жилетом — удостоверение сыщика, а под соломенной шляпой — умнейшая голова Европы. Это был сам Валантэн, глава парижского сыска, величайший детектив мира. А приехал он из Брюсселя, чтобы изловить величайшего преступника эпохи.

Фламбо был в Англии. Полиция трех стран наконец выследила его, от Гента до Брюсселя, от Брюсселя до Хукван-Холланда¹, и решила, что он поедет в Лондон — туда съехались в те дни католические священники, и легче было затеряться в сутолоке приезжих. Валантэн не знал еще, кем он прикинется — мелкой церковной сошкой или секретарем епископа; никто ничего не знал, когда дело касалось Фламбо.

Прошло много лет с тех пор, как этот гений воровства перестал будоражить мир и, как говорили после смерти Роланда, на земле воцарилась тишина². Но в лучшие (то есть в худшие) дни Фламбо был

¹ *Хукван-Холланд* — порт в Голландии; соединяется каналом с Роттердамом. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² В старофранцузском эпосе «Песнь о Роланде» после гибели славного графа король Карл зовет своих подданных, но ему никто не отвечает: «Ни звука королю в ответ» («Песнь о Роланде», с. XXVI, ст. 2411).

известен не меньше, чем кайзер. Чуть не каждое утро газеты сообщали, что он избежал расплаты за преступление, совершив новое, еще похлеще. Он был гасконец, очень высокий, сильный и смелый. О его великанских шутках рассказывали легенды: однажды он поставил на голову следователя, чтобы «прочистить ему мозги»; другой раз пробежал по Рю-де-Риволи с двумя полицейскими под мышкой. К его чести, он пользовался своей силой только для таких бескровных, хотя и унижающих жертву дел. Он никогда не убивал — он только крал, изобретательно и с размахом. Каждую из его краж можно было счесть новым грехом и сделать темой рассказа. Это он основал в Лондоне знаменитую фирму «Тирольское молоко», у которой не было ни коров, ни доярок, ни бидонов, ни молока, зато были тысячи клиентов; обслуживал он их очень просто: переставлял к их дверям чужие бидоны. Большой частью аферы его были обезоруживающе просты. Говорят, он перекрасил ночью номера домов на целой улице, чтобы заманить кого-то в ловушку. Именно он изобрел портативный почтовый ящик, который вешал в тихих предместьях, надеясь, что кто-нибудь забредет туда и бросит в ящик посылку или деньги. Он был великолепным акробатом; несмотря на свой рост, он прыгал, как кузнечик, и лазал по деревьям не хуже обезьяны. Вот почему, выйдя в погоню за ним, Валантэн прекрасно понимал, что в данном случае найти преступника — еще далеко не все.

Но как его хотя бы найти? Об этом и думал теперь прославленный сыщик.

Фламбо маскировался ловко, но одного он скрыть не мог — своего огромного роста. Если бы меткий взгляд Валантэна остановился на высокой зеленщице, бравом гренадере или даже статной герцогине, он задержал бы их немедля. Но все, кто попадался ему на пути, походили на переодетого Фламбо не больше, чем кошка — на переодетую жирафу. На пароходе он всех изучил; в поезде же с ним ехали только шестеро: коренастый путеец, направлявшийся в Лондон; три невысоких огородника, севших на третьей станции; миниатюрная вдова из эссекского местечка и совсем низенький священник из эссекской деревни. Дойдя до него, сыщик махнул рукой и чуть не рассмеялся. Маленький священник воплощал самую суть этих скучных мест: глаза его были бесцветны, как Северное море, а при взгляде на его лицо вспоминалось, что жителей Норфолка зовут клецками. Он никак не мог управиться с какими-то пакетами. Конечно, церковный съезд пробудил от сельской спячки немало священников, слепых и беспомощных, как выманенный из земли крот. Валантэн, истый француз, был

суровый скептик и не любил попов. Однако он их жалел, а этого пожалел бы всякий. Его большой старый зонт то и дело падал; он явно не знал, что делать с билетом, и простодушно до глупости объяснял всем и каждому, что должен держать ухо востро, потому что везет «настоящую серебряную вещь с синими камушками». Забавная смесь деревенской бесцветности со святой простотой потешала сыщика всю дорогу; когда же священник с грехом пополам собрал пакеты, вышел и тут же вернулся за зонтиком, Валантэн от души посоветовал ему помолчать о серебре, если он хочет его уберечь. Но с кем бы Валантэн ни говорил, он искал взглядом другого человека — в бедном ли платье, в богатом ли, в женском или мужском, только не ниже шести футов. В знаменитом преступнике было шесть футов четыре дюйма¹.

Как бы то ни было, вступая на Ливерпул-стрит, он был уверен, что не упустил вора. Он зашел в Скотленд-Ярд, назвал свое имя и договорился о помощи, если она ему понадобится, потом закурил новую сигару и отправился бродить по Лондону. Плутая по улочкам и площадям к северу от станции Виктория, он вдруг остановился. Площадь — небольшая и чистая — поражала внезапной тишиной; есть в Лондоне такие укромные уголки. Строгие дома, окружавшие ее, дышали достатком, но казалось, что в них никто не живет; а в центре — одиноко, словно остров в Тихом океане, — зеленел усаженный кустами газон. С одной стороны дома́ были выше, словно помост в конце зала, и ровный их ряд, внезапно и очень по-лондонски, разбивала витрина ресторана. Этот ресторан как будто бы забрел сюда из Сохо; все привлекало в нем: и деревья в кадках, и белые в лимонную полоску шторы. Дом был по-лондонски узкий, вход находился очень высоко, и ступеньки поднимались круто, словно пожарная лестница. Валантэн остановился, закурил и долго глядел на полосатые шторы.

Самое странное в чудесах то, что они случаются. Облачка собираются вместе в неповторимый рисунок человеческого глаза. Дерево изгибается вопросительным знаком как раз тогда, когда вы не знаете, как вам быть. И то и другое я видел на днях. Нельсон гибнет в миг победы, а некий Уильямс убивает случайно Уильямсона (похоже на сыноубийство!). Короче говоря, в жизни, как и в сказках, бывают совпадения, но прозаические люди не принимают их в расчет. Как заметил некогда Эдгар По, мудрость должна полагаться² на непредвиденное.

¹ 1 м 93 см.

² Вероятно, речь идет о наблюдении Э. По из повеллы «Убийство на улице Морг»: «Искусство аналитика проявляется как раз в том, что правилами игры не предусмотрено».

Аристид Валантэн был истый француз, а французский ум — это ум, и ничего больше. Он не был «мыслящей машиной», ведь эти слова — неумное порождение нашего бескрылого фатализма: машина потому и машина, что не умеет мыслить. Он был мыслящим человеком, и мыслил он здраво и трезво. Своими похожими на колдовство победами он был обязан тяжелому труду, простой и ясной французской мысли. Французы будоражат мир не парадоксами, а общими местами. Они облакают прописные истины в плоть и кровь — вспомним их революцию. Валантэн знал, что такое разум, и потому знал границы разума. Только тот, кто ничего не смыслит в моторах, попытается ехать без бензина; только тот, кто ничего не смыслит в разуме, попытается размышлять без твердой, неоспоримой основы. Сейчас основы не было. Он упустил Фламбо в Норвиче, а здесь, в Лондоне, тот мог принять любую личину и оказаться кем угодно, от верзилы-оборванца в Уимблдоне до атлета-кутилы в отеле «Метрополь».

Когда Валантэн ничего не знал, он применял свой метод. Он полагался на непредвиденное. Если он не мог идти разумным путем, он тщательно и скрупулезно действовал вопреки разуму. Он шел не туда, куда следует, — не в банки, полицейские участки, злачные места, а туда, куда не следует: стучался в пустые дома, сворачивал в тупики, лез в переулки через горы мусора, огибал любую площадь, петлял. Свои безумные поступки он объяснял весьма разумно. Если у вас есть ключ, говорил он, этого делать не стоит; но если ключа нет — делайте только так. Любая странность, зацепившая внимание сыщика, могла зацепить и внимание преступника. С чего-то надо начать; почему же не начать там, где мог остановиться другой? В крутизне ступенек, в тихом уюте ресторана было что-то необычное. Романтическим нюхом сыщика Валантэн почувал, что тут стоит остановиться. Он взбежал по ступенькам, сел у окна и попросил черного кофе.

Было позднее утро, а он еще не завтракал. Остатки чужой еды на столиках напомнили ему, что он проголодался; он заказал яйцо всмятку и рассеянно положил в кофе сахар, думая о Фламбо. Он вспомнил, как тот использовал для побега то ножницы, то пожар, то доплатное письмо без марки, а однажды собрал толпу к телескопу, чтоб смотреть на мнимую комету. Валантэн считал себя не глупее Фламбо и был прав. Но он прекрасно понимал невыгодность своего положения. «Преступник — творец, сыщик — критик», — сказал он, кисло улыбнулся, поднес чашку к губам и быстро опустил. Кофе был соленый.

Он посмотрел на вазочку, из которой брал соль. Это была сахарница, предназначенная для сахара, точно так же как бутылка предна-

значена для вина. Он удивился, что здесь держат в сахарницах соль, и посмотрел, нет ли где солонки. На столе стояли две, полные доверху. Может, и с ними не все в порядке? Он попробовал; в них был сахар. Тогда он окинул вспыхнувшим взглядом другие столики — не проявился ли в чем-нибудь и там изысканный вкус шутника, переменившего местами соль и сахар? Все было опрятно и приветливо, если не считать темного пятна на светлых обоях. Валантэн крикнул лакея.

Растрепанный и сонный лакей подошел к столику, и сыщик (ценивший простую, незамысловатую шутку) предложил ему попробовать сахар и сказать, соответствует ли он репутации заведения. Лакей попробовал, охнул и проснулся.

— Вы всегда шутите так тонко? — спросил Валантэн. — Вам не приелся этот розыгрыш?

Когда ирония дошла до лакея, тот, сильно запинаясь, заверил, что ни у него, ни у хозяина и в мыслях не было ничего подобного. Вероятно, они просто ошиблись. Он взял сахарницу и осмотрел ее; взял солонку и осмотрел ее, удивляясь все больше и больше. Наконец он быстро извинился, убежал и привел хозяина. Тот тоже обследовал сахарницу и солонку и тоже удивился.

Вдруг лакей захлебнулся словами.

— Я вот что думаю, — затараторил он. — Я думаю, это те священники. Те двое, — пояснил лакей. — Которые стену супом облили.

— Облили стену супом? — переспросил Валантэн, полагая, что это итальянская поговорка.

— Вот-вот, — волновался лакей, указывая на темное пятно. — Взяли и плеснули.

Валантэн взглянул на хозяина, и тот дал более подробный отчет.

— Да, сэр, — сказал он. — Так оно и было, только сахар и соль тут, наверно, ни при чем. Совсем рано, мы только шторы подняли, сюда зашли два священника и заказали бульон. Люди вроде бы тихие, приличные. Высокий расплатился и ушел, а другой собирал свертки, он какой-то был неповоротливый. Потом он тоже пошел к дверям и вдруг схватил чашку и вылил суп на стену. Я был в задней комнате. Выбегаю — смотрю: пятно, а священника нет. Убыток небольшой, но ведь какая наглость! Я побежал за ним, да не догнал, они свернули на Карстейрс-стрит.

Валантэн уже вскочил, надел шляпу и стиснул трость. Он понял: во тьме неведения надо было идти туда, куда направляет вас первый указатель, каким бы странным он ни был. Еще не упали на стол

монеты, еще не хлопнула стеклянная дверь, а сыщик уже свернул за угол и побежал по улице.

К счастью, даже в такие отчаянные минуты он не терял холодной зоркости. Пробегая мимо какой-то лавки, он заметил в ней что-то странное и вернулся. Лавка оказалась зеленой; на открытой витрине были разложены овощи и фрукты, а над ними торчали ярлычки с ценами. В самых больших ячейках высились груда орехов и пирамида мандаринов. Надпись над орехами — синие крупные буквы на картонном поле — гласила: «Лучшие мандарины. Две штуки за пенни»; надпись над мандаринами: «Лучшие бразильские орехи. Четыре пенса фунт». Валантэн прочитал и подумал, что совсем недавно встречался с подобным юмором. Обратившись к краснолицему зеленщику, который довольно угрюмо смотрел вдаль, он привлек его внимание к прискорбной ошибке. Зеленщик не ответил, но тут же переставил ярлычки. Сыщик, небрежно опираясь на трость, продолжал разглядывать витрину. Наконец он спросил:

— Простите за нескромность, сэр, нельзя ли задать вам вопрос из области экспериментальной психологии и ассоциации идей?

Багровый лавочник грозно взглянул на него, но Валантэн продолжал, весело помахивая тростью:

— Почему переставленные ярлычки на витрине зеленщика напоминают нам о священнике, прибывшем на праздники в Лондон? Или — если я выражаюсь недостаточно ясно — почему орехи, поименованные мандаринами, таинственно связаны с двумя духовными лицами, повыше ростом и пониже?

Глаза зеленщика полезли на лоб, как глаза улитки; казалось, он вот-вот кинется на нахала. Но он сердито проворчал:

— А ваше какое дело? Может, вы с ними заодно? Так вы им прямо скажите: попы они там или кто, а рассыпят мне опять яблоки — кости переломая!

— Правда? — посочувствовал сыщик. — Они рассыпали ваши яблоки?

— Это все тот, коротенький, — разволновался зеленщик. — Прямо по улице покатались. Пока я их подбирал, он и ушел.

— Куда? — спросил Валантэн.

— Налево, за второй угол. Там площадь, — быстро сообщил зеленщик.

— Спасибо, — сказал Валантэн и упорхнул, как фая.

За вторым углом налево он пересек площадь и бросил полисмену:

— Срочное дело, констебль. Не видели двух патеров?

Полисмен засмеялся басом.

— Видел, — сказал он. — Если хотите знать, сэр, один был пьяный. Он стал посреди дороги и...

— Куда они пошли? — резко спросил сыщик.

— Сели в омнибус, — ответил полицейский. — Из этих, желтых, которые идут в Хемпстед¹.

Валантэн вынул карточку, быстро сказал: «Пришлите двоих, пусть идут за мной!» — и ринулся вперед так стремительно, что могучий полисмен волей-неволей поспешил выполнить его приказ. Через минуту, когда сыщик стоял на другой стороне площади, к нему присоединились инспектор и человек в штатском.

— Итак, сэр, — важно улыбаясь, начал инспектор, — чем мы можем...

Валантэн выбросил вперед трость.

— Я отвечу вам на империале вон того омнибуса, — сказал он и нырнул в гущу машин и экипажей.

Когда все трое, тяжело дыша, уселись на верхушке желтого омнибуса, инспектор сказал:

— В такси мы бы доехали в четыре раза быстрее.

— Конечно, — согласился предводитель. — Если б мы знали, куда едем.

— А куда мы едем? — ошарашенно спросил инспектор.

Валантэн задумчиво курил; потом, вынув изо рта сигару, произнес:

— Когда вы знаете, что делает преступник, забегайте вперед. Но если вы только гадаете — идите за ним. Блуждайте там, где он; останавливайтесь, где он; не обгоняйте его. Тогда вы увидите то, что он видел, и сделаете то, что он сделал. Нам остается одно — подмечать все странное.

— В каком именно роде? — спросил инспектор.

— В любом, — ответил Валантэн и надолго замолчал.

Желтый омнибус полз по северной части Лондона. Казалось, что прошли часы; великий сыщик ничего не объяснял, помощники его молчали, и в них росло сомнение. Быть может, рос в них и голод — давно миновала пора второго завтрака, а длинные улицы северных кварталов вытягивались одна за другой, словно колена какой-то жуткой подозрительной трубы. Все мы помним такие поездки — вот-вот покажется край света, но показывается только Тэфнел-парк. Лондон

¹ *Хемпстед* — расположенное на холмистой местности аристократическое предместье на севере Лондона.

исчезал, рассыпался на грязные лачуги, кабачки и хилые пустыри и снова возникал в огнях широких улиц и фешенебельных отелей. Казалось, едешь сквозь тринадцать городов. Впереди сгущался холодный сумрак, но сыщик молчал и не двигался, пристально вглядываясь в мелькающие мимо улицы. Когда Кэмден-таун¹ остался позади, полицейские уже клевали носом. Вдруг они очнулись: Валантэн вскочил, схватил их за плечи и крикнул кучеру, чтобы тот остановился.

В полном недоумении они скатились по ступенькам и, оглядевшись, увидели, что Валантэн победно указывает на большое окно по левую руку от них. Окно это украшало сверкающий фасад большого, как дворец, отеля; здесь был обеденный зал ресторана, о чем и сообщала вывеска. Все окна в доме были из матового узорного стекла, но в середине этого окна, словно звезды во льду, зияла дырка.

— Наконец! — воскликнул Валантэн, потрясая тростью. — Разбитое окно! Вот он, ключ!

— Какое окно? Какой ключ? — рассердился полицейский. — Чем вы докажете, что это связано с ними?

От злости Валантэн чуть не сломал бамбуковую трость.

— Чем докажу! — вскричал он. — О господи! Он ищет доказательств! Скорей всего, это никак не связано! Но что ж нам еще делать? Неужели вы не поняли, что нам надо хвататься за любую, самую невероятную случайность или идти спать?

Он ворвался в ресторан; за ним вошли полисмены. Все трое уселись за столик и принялись за поздний завтрак, поглядывая то и дело на звезду в стекле. Надо сказать, и сейчас она мало что объясняла.

— Вижу, у вас окно разбито, — сказал Валантэн лакею, расплачиваясь.

— Да, сэр, — ответил лакей, озабоченно подсчитывая деньги. Чаевые были немалые, и, выпрямившись, он явно оживился. — Вот именно, сэр, — сказал он. — Ну и дела, сэр!

— А что такое? — небрежно спросил сыщик.

— Пришли к нам тут двое, священники, — поведал лакей. — Сейчас их много понаехало. Ну, позавтракали они, один заплатил и пошел. Другой чего-то возится. Смотрю — завтрак-то был дешевый, а заплатили чуть не четверо. Я говорю: «Вы лишнее дали», — а он остановился на пороге и так это спокойно говорит: «Правда?» Взял я счет, хотел ему показать и чуть не свалился.

¹ *Тэфнел-парк, Кэмден-таун* — улицы и соответствующие автобусные остановки по пути в Хемпстед.

— Почему? — спросил сыщик.

— Я бы чем хотите поклялся, в счете было четыре шиллинга. А тут смотрю — четырнадцать, хоть ты тресни.

— Так! — вскричал Валантэн, медленно поднимаясь на ноги. Глаза его горели. — И что же?

— А он стоит себе в дверях и говорит: «Простите, перепутал. Ну, это будет за окно». — «Какое такое окно?» — говорю. «Которое я разобью», — и трах зонтиком!

Слушатели вскрикнули, а инспектор тихо спросил:

— Мы что, гонимся за сумасшедшим?

Лакей продолжал, смакуя смешную историю:

— Я так и сел, ничего не понимаю. А он догнал того, высокого, свернули они за угол — и как побегут по Баллок-стрит! Я за ними со всех ног, да куда там — ушли!

— Баллок-стрит! — крикнул сыщик и понесся по улице так же стремительно, как таинственная пара, за которой он гнался.

Теперь преследователи быстро шли меж голых кирпичных стен, как по туннелю. Здесь было мало фонарей и освещенных окон; казалось, что все на свете повернулось к ним спиной. Сгущались сумерки, и даже лондонскому полисмену нелегко было понять, куда они спешат. Инспектор, однако, не сомневался, что рано или поздно они выйдут к Хемпстедскому лугу. Вдруг в синем сумраке, словно иллюминатор, сверкнуло выпуклое освещенное окно, и Валантэн остановился за шаг до лавчонки, где торговали сладостями. Поколебавшись секунду, он нырнул в разноцветный мирок кондитерской, подошел к прилавку и со всей серьезностью отобрал тринадцать шоколадных сигар. Он обдумывал, как перейти к делу, но это ему не понадобилось.

Костлявая женщина, старообразная, хотя и нестарая, смотрела с тупым удивлением на элегантного пришельца, но, увидев в дверях синюю форму инспектора, очнулась и заговорила.

— Вы, наверно, за пакетом? — спросила она. — Я его отослала.

— За пакетом?! — повторил Валантэн; пришел черед и ему удивляться.

— Ну, который тот мужчина оставил, священник, что ли?

— Ради бога! — воскликнул Валантэн и подался вперед; его пылкое нетерпение прорвалось наконец наружу. — Ради бога, расскажите подробно!

— Ну, — не совсем уверенно начала женщина, — зашли сюда священники, это уж будет с полчаса. Купили мятных лепешек, поговорили про то про се и пошли к лугу. Вдруг один бежит: «Я пакета не

оставлял?» Я туда-сюда — нигде нету. А он говорит: «Ладно. Найдете — пошлите вот по такому адресу». И дал мне этот адрес и еще шиллинг за труды. Вроде бы все обшарила, а ушел он, глядь — пакет лежит. Ну, я его и послала, не помню уж куда, где-то в Вестминстере. А сейчас я и подумала: наверное, в этом пакете что-то важное, вот полиция за ним и пришла.

— Так и есть, — быстро сказал Валантэн. — Близко тут луг?

— Прямо идти минут пятнадцать, — ответила женщина. — К самым воротам выйдете.

Валантэн выскочил из лавки и понесся вперед. Полисмены неохотно трусили за ним.

Узкие улицы предместья лежали в тени домов, и, вынырнув на большой пустырь, под открытое небо, преследователи удивились, что сумерки еще так прозрачны и светлы. Круглый купол синевато-зеленого неба отсвечивал золотом меж черных стволов и в темно-лиловой дали. Зеленый светящийся сумрак быстро сгущался, и на небе проступали редкие кристаллики звезд. Последний луч солнца мерцал, как золото, на вершинах холмов, венчавших излюбленное лондонцами место, которое зовется Долиной Здоровья. Праздные горожане еще не совсем разбрелись — на скамейках темнели расплывчатые силуэты пар, а где-то вдалеке вскрикивали на качелях девицы. Величие небес осеняло густеющей синью величие человеческой пошлости. И, глядя сверху на луг, Валантэн увидел наконец то, что искал.

Вдалеке чернели и расставались пары; одна из них была чернее всех и держалась вместе. Два человека в черных сутанах уходили вдаль. Они были не крупнее жуков; но Валантэн увидел, что один много ниже другого. Высокий шел смиренно и чинно, как подобает ученому клирику, но было видно, что в нем больше шести футов. Валантэн сжал зубы и ринулся вниз, рьяно вращая тростью. Когда расстояние сократилось и двое в черном стали видны четко, как в микроскоп, он заметил еще одну странность, которая и удивила его, и не удивила. Кем бы ни был высокий, маленького Валантэн узнал: то был его попутчик по купе, неуклюжий священник из Эссекса, которому он посоветовал смотреть получше за своими свертками.

Пока что все сходилось. Сыщику сказали, что некий Браун из Эссекса везет в Лондон серебряный, украшенный сапфирами крест — драгоценную реликвию, которую покажут иностранному клиру. Это и была, конечно, «серебряная вещь с камушками», а Браун, без сомнения, был тот растяпа из поезда. То, что узнал Валантэн, прекрасно мог узнать и Фламбо — Фламбо обо всем узнавал. Конечно, пронюхав

про крест, Фламбо захотел украсть его — это проще простого. И уж совсем естественно, что Фламбо легко обвел вокруг пальца священника со свертками и зонтиком. Такую овцу кто угодно мог бы затащить хоть на Северный полюс, так что Фламбо — блестящему актеру — ничего не стоило затащить его на этот луг. Покуда все было ясно. Сыщик пожалел беспомощного священника и чуть не запресизирал Фламбо, опустившегося до такой доверчивой жертвы. Но что означали странные события, приведшие к победе его самого? Как ни думал он, как ни бился — смысла в них не было. Где связь между кражей креста и пятном супа на обоях? Перепутанными ярлычками? Платой вперед за разбитое окно? Он пришел к концу пути, но упустил середину. Иногда, хотя и редко, Валантэн упускал преступника; но ключ находил всегда. Сейчас он настиг преступника, но ключа у него не было.

Священники ползли по зеленому склону холма, как черные мухи. Судя по всему, они беседовали и не замечали, куда идут; но шли они в самый дикий и тихий угол луга. Преследователям пришлось принимать те недостойные позы, которые принимает охотник, выслеживающий дичь: они перебежали от дерева к дереву, крались и даже ползли по густой траве. Благодаря этим неуклюжим маневрам охотники подошли совсем близко к дичи и слышали уже голоса, но слов не разбирали, кроме слова «разум», которое повторял то и дело высокий детский голос. Вдруг путь им преградили заросли над обрывом; сыщики потеряли след и плутали минут десять, пока, обогнув гребень круглого, как купол, холма, не увидели в лучах заката прелестную и тихую картину. Под деревом стояла ветхая скамья; на ней сидели, серьезно беседуя, священники. Зелень и золото еще сверкали у темнеющего горизонта, сине-зеленый купол неба становился зелено-синим, и звезды сверкали ярко, как крупные бриллианты. Валантэн сделал знак своим помощникам, подкрался к большому ветвистому дереву и, стоя там в полной тишине, услышал наконец, о чем говорили странные священнослужители.

Он слушал минуту-другую, и бес сомнения обуял его. А что, если он зря затащил английских полисменов в дальний угол темнеющего парка? Священники беседовали именно так, как должны беседовать священники, — благочестиво, степенно, учено о самых бестелесных тайнах богословия. Маленький патер из Эссекса говорил проще, обратив круглое лицо к разгорающимся звездам. Высокий сидел, опустив голову, словно считал, что недостойн на них взглянуть. Беседа их была невинней невинного; ничего более возвышенного не услышишь в белой итальянской обители или в черном испанском соборе.

Первым донесся голос отца Брауна:

— ...То, что имели в виду средневековые схоласты, когда говорили о несокрушимости небес.

Высокий священник кивнул склоненной головой.

— Да, — сказал он, — безбожники взывают теперь к разуму. Но кто, глядя на эти мириады миров, не почувствует, что там, над нами, могут быть вселенные, где разум неразумен?

— Нет, — сказал отец Браун, — разум разумен везде.

Высокий поднял суровое лицо к усеянному звездами небу.

— Кто может знать, есть ли в безграничной Вселенной... — снова начал он.

— У нее нет пространственных границ, — сказал маленький и резко повернулся к нему, — но за границы нравственных законов она не выходит.

Валантэн сидел за деревом и молча грыз ногти. Ему казалось, что английские сыщики хихикают над ним, — ведь это он затащил их в такую даль, чтобы послушать философскую чушь двух тихих пожилых священников. От злости он пропустил ответ высокого и услышал только отца Брауна.

— Истина и разум царят на самой далекой, самой пустынной звезде. Посмотрите на звезды. Правда, они как алмазы и сапфиры? Так вот, представьте себе любые растения и камни. Представьте алмазные леса с бриллиантовыми листьями. Представьте, что луна — синяя, сплошной огромный сапфир. Но не думайте, что все это хоть на йоту изменит закон разума и справедливости. На опаловых равнинах, среди жемчужных утесов вы найдете все ту же заповедь: «Не укради».

Валантэн собрался было встать — у него затекло все тело — и уйти потише; в первый раз за всю жизнь он сморозил такую глупость. Но высокий молчал как-то странно, и сыщик прислушался. Наконец тот сказал совсем просто, еще ниже опустив голову и сложив руки на коленях:

— А все же я думаю, что другие миры могут подняться выше нашего разума. Неисповедима тайна небес, и я склоняю голову. — И, не поднимая головы, не меняя интонации, прибавил: — Давайте-ка сюда этот крест. Мы тут одни, и я вас могу распотрошить, как чучело.

Оттого что он не менял ни позы, ни тона, эти слова прозвучали еще страшнее. Но хранитель святыни почти не шевельнулся; его глуповатое лицо было обращено к звездам. Может быть, он не понял или окаменел от страха.

— Да, — все также тихо сказал высокий, — да, я Фламбо. — Помолчал и прибавил: — Ну, отдадите вы крест?

— Нет, — сказал Браун, и односложное это слово странно прозвенело в тишине.

И тут с Фламбо слетело напускное смирение. Великий вор откинулся на спинку скамьи и засмеялся негромко, но грубо.

— Не отдадите! — сказал он. — Еще бы вы отдали! Еще бы вы мне его отдали, простак-холостяк! А знаете почему? Потому что он у меня в кармане.

Маленький сельский священник повернул к нему лицо — даже в сумерках было видно, как он растерян, — и спросил взволнованно и робко, словно подчиненный:

— Вы... вы уверены?

Фламбо взвыл от восторга.

— Ну, с вами театра не надо! — закричал он. — Да, достопочтенная брюква, уверен! Я догадался сделать фальшивый пакет. Так что теперь у вас бумага, а у меня — камешки. Старый прием, отец Браун, очень старый прием.

— Да, — сказал отец Браун и все так же странно, несмело пригладил волосы, — я о нем слышал.

Король преступников наклонился к нему с внезапным интересом.

— Кто? Вы? — спросил он. — От кого ж это вы могли слышать?

— Я не вправе назвать вам его имя, — просто сказал Браун. — Понимаете, он каялся. Он жил этим лет двадцать — подменял свертки и пакеты. И вот, когда я вас заподозрил, я вспомнил про него, беднягу.

— Заподозрили? — повторил преступник. — Вы что, действительно догадались, что я вас не зря тащу в такую глушь?

— Ну да, — виновато сказал Браун. — Я вас сразу заподозрил. Понимаете, у вас запястье изуродовано, это от наручников.

— А, черт! — заорал Фламбо. — Вы-то откуда знаете про наручники?

— От прихожан, — ответил Браун, кротко поднимая брови. — Когда я служил в Хартлпуле, там у двоих были такие руки. Вот я вас и заподозрил, и решил, понимаете, спасти крест. Вы уж простите, я за вами следил. В конце концов я заметил, что вы подменили пакет. Ну а я подменил его снова и настоящий отослал.

— Отослали? — повторил Фламбо, и в первый раз его голос звучал не только с победой.

— Да, отослал, — спокойно продолжал священник. — Я вернулся в лавку и спросил, не оставил ли я пакета. И дал им адрес, куда его послать, если он найдется. Конечно, сначала я его не оставлял, а потом оставил. А она не побежала за мной и послала его прямо в Вестминстер¹, моему другу. Этому я тоже научился от того бедняги. Он так делал с сумками, которые крал на вокзалах. Сейчас он в монастыре. Знаете, в жизни многому научишься, — закончил он, виновато почесывая за ухом. — Что ж нам, священникам, делать? Приходят, рассказывают...

Фламбо уже выхватил пакет из внутреннего кармана и рвал его в клочья. Там не было ничего, кроме бумаги и кусочков свинца. Потом он вскочил, взмахнув огромной рукой, и заорал:

— Не верю! Я не верю, что такая тыква может все это обстрелять! Крест у вас! Не дадите — отберу. Мы одни.

— Нет, — просто сказал отец Браун и тоже встал. — Вы его не отберете. Во-первых, его действительно нет. А во-вторых, мы не одни.

Фламбо замер на месте.

— За этим деревом, — сказал отец Браун, — два сильных полисмена и лучший в мире сыщик. Вы спросите, зачем они сюда пришли? Я их привел. Как? Что ж, я скажу, если хотите. Господи, когда работаешь в трущобах, приходится знать много таких штук! Понимаете, я не был уверен, что вы вор, и не хотел оскорблять своего брата-священника. Вот я и стал вас испытывать. Когда человеку дадут соленый кофе, он обычно сердится. Если же он стерпит, значит он боится себя выдать. Я насыпал в сахарницу соль, а в солонку — сахар, и вы стерпели. Когда счет гораздо больше, чем надо, это, конечно, вызывает недоумение. Если человек по нему платит, значит он хочет избежать скандала. Я приписал единицу, и вы заплатили.

Казалось, Фламбо вот-вот кинется на него, словно тигр. Но вор стоял как зачарованный — он хотел понять.

— Ну вот, — с тяжеловесной дотошностью объяснял отец Браун. — Вы не оставляли следов — кому-то надо же было их оставлять. Всюду, куда мы заходили, я делал что-нибудь такое, чтобы о нас толковали весь день. Я не причинял большого вреда: облил супом стену, рассыпал яблоки, разбил окно, — но крест я спас. Сейчас он в Вестминстере. Странно, что вы не пустили в ход ослиный свисток.

— Чего я не сделал?

¹ *Вестминстер* — центральный район Лондона, где находятся правительственные учреждения.

— Как хорошо, что вы о нем не слышали! — просиял священник. — Это плохая штука. Я знал, что вы не опуститесь так низко. Тут бы мне не помогли даже пятна — я слабоват в коленках.

— Что вы несете? — спросил Фламбо.

— Ну уж про пятна-то, я думал, вы знаете! — обрадовался Браун. — Значит, вы еще не очень испорчены.

— А вы-то откуда знаете всю эту гадость? — воскликнул Фламбо.

— Наверное, потому, что я простак-холостяк, — сказал Браун. — Вы никогда не думали, что человек, который все время слушает о грехах, должен хоть немного знать мирское зло? Правда, не только практика, но и теория моего дела помогла мне понять, что вы не священник.

— Какая еще теория? — спросил изнемогающий Фламбо.

— Вы нападали на разум, — ответил Браун. — Это дурное богослово.

Он повернулся, чтобы взять свои вещи, и три человека вышли в сумерках из-за деревьев. Фламбо был талантлив и знал законы игры: он отступил назад и низко поклонился Валантэну.

— Не мне кланяйтесь, *mon ami*¹, — сказал Валантэн серебрянозвонким голосом. — Поклонимся оба тому, кто нас превзошел.

И они стояли, обнажив головы, пока маленький сельский священник шарил в темноте, пытаясь найти зонтик.

СОКРОВЕННЫЙ САД

Аристид Валантэн, глава парижского сыска, опаздывал на званый обед в собственном доме. Гости уже начали прибывать, и старый слуга по имени Иван, которому хозяин всецело доверял, постарался успокоить прибывших. Иван был не только слугой, но и охранником — он всегда сидел за столиком в прихожей, на стенах которой висело самое разнообразное оружие. Лицо этого человека было отмечено шрамом и казалось таким же серым, как и свисающие усы.

Старинный дом Валантэна был, пожалуй, не менее знаменит, чем его владелец, и производил столь же странное впечатление. Участок окружала высокая стена; ветви могучих тополей нависали над Сеней. Странность же этого дома — и, быть может, немаловажное достоинство с точки зрения безопасности хозяина — заключалась в том, что в сад нельзя было попасть иначе чем через парадный подъезд, охра-

¹ Мой друг (*фр.*).

нявшийся Иваном, в чьем распоряжении имелся целый арсенал. Сад отличался немалыми размерами и содержался весьма аккуратно. Из дома сюда вело множество выходов, однако с улицы войти было невозможно — участок окружала высокая неприступная стена с острями на гребне. Именно таким, наверное, и должен быть сад человека, с которым поклялись расправиться сотни уголовников.

Иван сообщил гостям, что хозяин предупредил его по телефону: он задерживается на десять минут. По правде говоря, Валантэн был занят весьма неприятным делом — отдавал последние распоряжения относительно казни преступников; хотя подобные обязанности были ему глубоко противны, он ими не пренебрегал. Беспощадно охотясь за преступниками, он становился весьма снисходительным, когда речь шла о наказании. Во французских и, более того, в европейских правоохранительных органах он завоевал большой авторитет и, к чести для себя, пользовался своим влиянием для смягчения приговоров и тем самым способствовал очищению тюрем. Этого человека можно было назвать одним из наиболее гуманных французских вольнодумцев, весьма достойных людей, единственным недостатком которых является то, что они оказывают милосердие ближнему своему с еще большим холодом в сердце, чем когда вершат над ним правый суд.

Наконец Валантэн прибыл. Он был одет в черную пару, в петлице красовалась алая роза — элегантный и статный мужчина, ничего не скажешь, хотя в его черной бородке уже пробивалась седина. Валантэн прошел прямо к себе в кабинет, откуда можно было попасть в сад. Дверь как раз оказалась открыта. Хозяин дома убрал свой чемоданчик в ящик стола, запер его, затем подошел к выходу в сад и несколько мгновений простоял в дверном проеме, обозревая открывшуюся перед ним картину. Острый месяц нещадно рассекал лохмотья предвещавших грозу серых туч; Валантэн наблюдал за этим с задумчивостью, необычной для людей с научным складом ума. Быть может, подобные натуры способны обуревать предчувствие того, что им скоро предстоит оказаться перед самой немислимой дилеммой в своей жизни. Однако какие бы невероятные мистические предвидения ни посетили начальника полиции, он быстро пришел в себя — ему ведь было известно, что он опоздал и гости уже начали собираться.

Войдя в гостиную, он с первого взгляда понял: самый долгожданный посетитель еще не прибыл. Остальные же были почти все налицо: лорд Гэллоуэй, английский посол, — пожилой мужчина с холерическим темпераментом; его кирпично-красное лицо напоминало спелое

яблоко, в петлице фрака голубела ленточка ордена Подвязки; рядом с лордом была супруга — изящная, хотя и худая как спичка, с седыми волосами и запоминающимся лицом, выдававшим незаурядную и способную на глубокие чувства натуру; дочь посла тоже стояла неподалеку. Звали ее леди Маргарет Грэм; это была бледная хорошенькая девушка с медного оттенка волосами, судя по лицу прокажница. Присутствовала также черноглазая дородная герцогиня Монт-Сент-Мишель с двумя дочерьми, такими же черноглазыми и дородными. Был здесь доктор Симон, типичный француз-ученый — в очках, с бородкой клинышком и высоким лбом, который пересекали параллельные ряды морщин (наказание, уготованное людям высокомерным, имеющим обыкновение поднимать брови). Присутствовал также отец Браун из местечка Кобхоул в Эссексе — с ним Валантэн недавно встречался в Англии. Хозяин заметил среди собравшихся еще одного человека — и тот, вероятно, вызвал у него наибольший интерес. То был высокий мужчина в военной форме; в эту минуту он как раз раскланивался с семейством Гэллоуэй, хотя его ожидал здесь не слишком сердечный прием; сразу же после этого военный направился к хозяину дома, дабы засвидетельствовать ему свое почтение. Звали его О'Брайен, он служил во французском Иностранном легионе и имел высокий чин командора. О'Брайен был темноволос, голубоглаз, чисто выбрит, строен; осанка его выдавала привычку повелевать. Как то пристало офицеру подразделения, прославившегося триумфальными провалами и самоубийственными победами, он имел одновременно лихой и меланхоличный вид. По рождению этот человек был знатным ирландцем, в детстве и юности водил знакомство с Гэллоуэями, особенно с их дочерью, Маргарет Грэм. Долги вынудили его покинуть родину. Теперешний его наряд — военная форма, шпоры, сабля — демонстрировал полное пренебрежение британским этикетом. Когда он поклонился семье посла, лорд и леди Гэллоуэй ответили принужденным поклоном, а леди Маргарет отвела взгляд в сторону.

Однако по каким бы коренящимся в глубоком прошлом причинам гости ни проявляли интерес друг к другу, знаменитый хозяин дома выказал ко всему этому полное равнодушие. Никого из них он не мог бы назвать гвоздем программы; нет, это должен был быть другой человек, всемирно известный, чье расположение он снискал во время своего визита в Новый Свет, принесшего ему славу как выдающемуся борцу с преступностью. Этим человеком являлся Джулиус К. Блэйн, мультимиллионер, — его огромные, непомерные пожертвования в пользу приверженцев непопулярных религий дали возможность англий-

ским и американским газетчикам раздуть его славу. Никто не знал, был ли мистер Блэйн атеистом или мормоном, адвентистом седьмого дня или адептом «Христианской науки», однако он неизменно проявлял готовность сыпать деньги в любую бочку при условии, что ее только что перед ним поставили. Он ожидал того благословенного дня, когда в Америке появится свой Шекспир, — занятие, требующее больше терпения, чем даже рыбная ловля. Уолт Уитмен¹ приводил его в восхищение, однако он считал, что некий Льюк П. Тэннер из городка Парижа, что находится в штате Пенсильвания, гораздо более «прогрессивен», чем Уитмен. Миллиардеру нравились «прогрессивные люди». Он считал прогрессивным даже Валантэна, впрочем совершенно несправедливо.

Появление в комнате массивной фигуры Джулиуса К. Блэйна оказалось столь же категорическим, как гонг, сзывающий гостей к столу. У этого человека имелась черта, несвойственная большинству из нас: его присутствие казалось не менее заметным, чем его отсутствие. Это был огромный мужчина, полный и высокий, одетый в черный фрак; черноту эту не умерял блеск часовой цепочки и массивного кольца на пальце. Седые волосы Блэйна были зачесаны назад на германский манер, лицо отличалось краснотой, черты его казались какими-то детскими и в то же время неприятными; пучок волос, свешивавшийся вниз с подбородка из-под самой нижней губы, придавал этому человеку с внешностью невинного младенца вид театрального злодея, чуть ли не Мефистофеля. Общество, впрочем, недолго любовалось знаменитым американцем — к его манере опаздывать все уже привыкли, так что ему почти сразу же предложили проследовать в столовую рука об руку с леди Гэллоуэй.

Если не считать одного большого вопроса, семейство английского посла было достаточно приветливо и общительно. Поскольку леди Маргарет сделала вид, что не замечает протянутой руки этого авантюриста О'Брайена, и вполне пристойно проследовала в столовую с доктором Симоном, отец ее был вполне удовлетворен. Однако, несмотря на это, старый лорд Гэллоуэй чувствовал беспокойство, даже нервничал и в разговоре с трудом заставлял себя быть учтивым. Во время обеда ему еще удавалось соблюдать приличия, но когда трое мужчин помоложе — доктор, отец Браун и О'Брайен, этот вредоносный отщепенец в чужом мундире, — закурив сигары, вышли из ком-

¹ *Уитмен Уолт* (1819–1892) — великий американский поэт, автор эпической книги «Листья травы», зачинатель современного верлибра, то есть свободного стиха.

наты — то ли для того, чтобы присоединиться к дамам, то ли с целью спокойно покурить в оранжерее, — английский дипломат дал волю своему раздражению. Его не переставая являла мысль, что этот проходимец О'Брайен в эту самую минуту, быть может, пытается завязать разговор с Маргарет или, чего доброго, уже с ней беседует. Сам же посол остался пить кофе с Блэйном, седовласым янки, верившим во всех богов, и седеющим французом Валантэном, не верившим ни во что. Эти двое могли спорить сколько им угодно, но заставить посла связаться в свою дискуссию были бессильны. К тому времени, как спор о том, что считать прогрессивным, достиг своего апогея, то есть стал невыносимо скучен, лорд Гэллоуэй наконец поднялся и покинул комнату в надежде самостоятельно разыскать гостиную. Это, однако, оказалось не таким простым делом, и, лишь проблуждав минут пять-семь в бесконечных коридорах, лорд услышал высокий голос морализовавшего доктора, а затем глухо прозвучавший ответ отца Брауна, слова которого были встречены общим смехом. «И эти тоже, черт их возьми, спорят, — думал посол. — Вроде бы насчет взаимоотношений науки и религии». Однако в тот момент, когда лорд Гэллоуэй открыл дверь и вступил в гостиную, он заметил лишь единственное: в комнате кое-кого не хватало. А именно командора О'Брайена и леди Маргарет.

Нетерпеливо покинув гостиную, как недавно столовую, лорд Гэллоуэй снова попал в длинный коридор. Намерение уберечь дочь от этого ирландского — или теперь алжирского? — мошенника прогнало все прочие мысли и воцарилось у него в голове как самодержец, как безумный властитель. Когда лорд оказался в задней части дома, где помещался кабинет Валантэна, ему вдруг, к его удивлению, попалась навстречу дочь — она неслышно проскользнула мимо, на бледном ее лице играла презрительная усмешка. Это озадачило посла не менее, чем недавнее отсутствие Маргарет. Если она говорила с О'Брайеном, куда тот делся? Если же она с ним не говорила, что она делала все это время? Со жгучей старческой подозрительностью Гэллоуэй на ощупь пробирался по полутемным коридорам вглубь дома. Тут он случайно набрел на один из выходов в сад, которым обычно пользовались слуги.

Ятаган месяца к этому времени распорол все штормовые паруса туч и разрезал их на мелкие клочки. Серебристый свет залил все углы сада; посол вдруг заметил высокую фигуру в голубом одеянии, двигавшуюся по газону в направлении одного из входов в дом. Вот на лицо этого человека пал один из ярких бликов — и этого оказалось

достаточно, чтобы вполне отчетливо стали видны черты командора О'Брайена.

Молодой офицер прошел через балконную дверь и скрылся в доме; наблюдавший за ним Гэллоуэй пребывал в неописуемом настроении — он злился, но не мог понять, на кого именно. Серебристо-голубой сад, так похожий на театральные декорации, казалось, насмехается над ним, околдовывает насильственной своей нежностью, против которой восставало мирское величие посла. Широкая, исполненная грации походка ирландца вызвала в старом лорде ярость, как будто этот человек был его соперником в любви; лунное сияние сводило его с ума, завлекало в ловушку, заманивало в волшебные миры Ватто¹, в вертоград трубадуров. Желая стряхнуть это идиотское наваждение, посол торопливо зашагал следом за недругом, но почти сразу же споткнулся о какой-то предмет в траве — то ли о камень, то ли о бревно. Он бросил на землю раздраженный взгляд, но раздражение тут же сменилось изумлением, затем ужасом. В следующее мгновение луна и стройные тополя могли наблюдать необычное зрелище: бегущего со всех ног пожилого английского дипломата, вдобавок что-то кричащего на бегу.

Его хриплые возгласы не остались без последствий — в окне кабинета рядом с балконной дверью появилось бледное лицо, заблестели стекла чьих-то очков. Это был доктор Симон, в конце концов разобравший, что именно выкрикивает высокородный англичанин. А кричал он вот что:

— Труп! Труп в траве! Окровавленный труп!

Об ирландце лорд Гэллоуэй наконец-то забыл.

— Надо немедленно известить Валантэна, — сказал доктор, когда посол сбивчиво описал то, что успел рассмотреть. — Нам повезло, что здесь сам начальник полиции.

Валантэн оказался легок на помине, — услышав крики, он поспешил на место происшествия. Занятно было наблюдать, как изменилась его манера держаться: пришел он с видом заботливого хозяина, испугавшегося, что одному из гостей или слуг стало плохо; когда же ему рассказали о жуткой находке, он тотчас стал необыкновенно серьезен и даже деловит — как-никак сие ужасное происшествие вернуло его к исполнению профессиональных обязанностей.

¹ *Ватто Антуан* (1684–1721) — французский художник, автор отличающихся изысканной нежностью красочных полотен — бытовых и театральных сцен, «галантных празднеств».

— Странно, господа, — произнес он, выходя со спутниками в сад, — я расследовал таинственные истории по всему свету, а тут одна из них происходит в моем собственном доме. Покажите, где найдено тело.

Они с трудом пересекли лужайку — с реки наплывала густая туманная дымка; однако с помощью дрожавшего как банный лист лорда им наконец удалось отыскать в высокой траве труп. Мертвец был рослым и плечистым мужчиной; лежал он лицом вниз, так что видны были лишь его черный костюм, массивная лысая голова, на которой сохранилось лишь несколько пучков темных волос, прилипших к коже, как влажные водоросли. Из-под обращенного к земле лица текла алая струйка крови.

— Что ж, — сказал Симон с особенно значительной, зловещей интонацией, — он, по крайней мере, не из числа гостей.

— Осмотрите его, доктор, — взволнованно воскликнул Валантэн, — быть может, он еще жив!

Врач склонился над телом.

— Еще не остыл, — сообщил он, — но боюсь, что надежды нет никакой — он мертвехонек. Помогите-ка мне его приподнять.

Совместными усилиями они подняли тело на несколько дюймов от земли, после чего произошло нечто ужасное, и все сомнения, мертвы ли этот человек, развеялись: отделенная от тела голова осталась лежать на траве. Убийца, очевидно, перерезал жертве горло и нанес при этом столь сильный удар, что перерубил шею. Даже выдавший виды Валантэн был потрясен.

— Преступник, похоже, силен, как горилла, — пробормотал он себе под нос.

Доктор Симон, хотя и посещавший изредка морги, поднял голову с земли с некоторым трепетом. Шею опоясывал разрез, но лицо осталось неповрежденным. Оно было мясистым и желтым, со впалыми щеками и выступающими скулами, ястребиным носом и тяжелыми веками. Такие черты могли быть у погрязшего в пороках римского императора, неуловимое сходство проглядывало даже с императорами китайскими. Никто из присутствующих не знал этого человека, да и в ближайшее время ничего нового о нем выяснить не удалось, — приподняв тело, они увидели лишь, что белая сорочка на груди запачкана кровью. Как и сказал доктор Симон, покойник оказался не из числа гостей, хотя его наряд и заставлял предположить, что он, быть может, намеревался к ним присоединиться, — одет он был соответствующим образом.

Валантэн опустился на корточки и со всей тщательностью обследовал траву и почву в радиусе двадцати ярдов вокруг тела; начальнику полиции пытались помочь доктор и английский посол, хотя от первого проку было мало, а второй вообще скорее мешал, чем помогал работать. Усердие этой троицы не дало никаких результатов — найдено было лишь несколько веток, разрезанных или разрубленных на мелкие кусочки. Валантэн поднял их, осмотрел и снова бросил на землю.

— М-да, ветки, — угрюмо сказал он, — одни лишь ветки и какой-то неизвестный с отрубленной головой; ничего здесь больше нет.

Воцарилось напряженное молчание, и вдруг заметно нервничавший лорд Гэллоуэй вскрикнул:

— Кто это? Кто там у стены?

К ним приближалась неровным шагом маленькая человеческая фигурка с непропорционально большой головой; в серебристой дымке лунного света казалось, что это какое-то волшебное существо, нечто вроде гоблина. При ближайшем рассмотрении, однако, выяснилось: это безобидный маленький священник, который до сих пор сидел в гостиной.

— Хочу вам напомнить, — просто сказал он, — что в этот сад нельзя попасть с улицы — здесь нет ни ворот, ни даже калитки.

Черные брови Валантэна, казалось, сошлись, когда он, по своему обыкновению, поморщился при виде сутаны. Но человек он был справедливый и потому отдал должное уместному замечанию священника.

— Вы совершенно правы, — заявил он. — Для того чтобы узнать причину убийства, нам, вероятно, придется выяснить, как этот человек здесь оказался. Согласитесь, господа, что мы должны по возможности уберечь моих гостей от ненужной огласки их имен. Среди них ведь уважаемые люди, несколько дам и к тому же вы, господин посол. Надеюсь, вы не поймете меня превратно и не будете считать, что я злоупотребляю своим положением. Когда факт преступления будет отмечен в полицейском рапорте, дело пойдет своим чередом, и тут уж ничего не поделаешь. Пока же этого не произошло, я могу действовать по своему усмотрению. Я занимаю пост начальника полиции и до такой степени нахожусь на виду, что могу себе позволить кое-что скрыть. Клянусь честью, я выясню все относительно поведения моих гостей, прежде чем вызову сюда моих подчиненных и прикажу им искать убийцу где-то еще. Господа, вы должны дать мне обещание не покидать этот дом до завтрашнего утра. У меня для каждого найдется спальня. Мсье

СОДЕРЖАНИЕ

НЕВЕДЕНИЕ ОТЦА БРАУНА

Сапфировый крест. <i>Перевод Н. Трауберг</i>	7
Сокровенный сад. <i>Перевод А. Кудрявицкого</i>	21
Странные шаги. <i>Перевод К. Савельева</i>	43
Летучие звезды. <i>Перевод И. Берштейн</i>	60
Невидимка. <i>Перевод К. Савельева</i>	74
Честь Израэля Гау. <i>Перевод Н. Трауберг</i>	90
Неверный контур. <i>Перевод К. Савельева</i>	100
Молот Господень. <i>Перевод К. Савельева</i>	117
Око Аполлона. <i>Перевод Н. Трауберг</i>	132
Сломанная шпага. <i>Перевод К. Савельева</i>	145
Три орудия смерти. <i>Перевод В. Хинкиса</i>	161
Грехи князя Сарадина. <i>Перевод К. Савельева</i>	175

МУДРОСТЬ ОТЦА БРАУНА

Отсутствие мистера Кана. <i>Перевод Н. Трауберг</i>	195
Разбойничий рай. <i>Перевод Н. Трауберг</i>	204
Поединок доктора Хирша. <i>Перевод К. Савельева</i>	215
Человек в проулке. <i>Перевод Р. Облонской</i>	229
Машина ошибается. <i>Перевод А. Кудрявицкого</i>	245
Профиль Цезаря. <i>Перевод К. Савельева</i>	260
Конец Пендрагонов. <i>Перевод К. Савельева</i>	275
Бог гонгов. <i>Перевод К. Савельева</i>	292
Салат полковника Крэя. <i>Перевод Н. Трауберг</i>	307
Лиловый парик. <i>Перевод К. Савельева</i>	316
Странное преступление Джона Боулнойза. <i>Перевод Р. Облонской</i>	329
Волшебная сказка отца Брауна. <i>Перевод Р. Облонской</i>	344

СОДЕРЖАНИЕ

НЕДОВЕРЧИВОСТЬ ОТЦА БРАУНА

Воскресение отца Брауна. <i>Перевод К. Савельева</i>	359
Небесная стрела. <i>Перевод Е. Коротковой</i>	374
Вещая собака. <i>Перевод Е. Коротковой</i>	396
Чудо «Полумесяца». <i>Перевод К. Савельева</i>	415
Проклятие золотого креста. <i>Перевод К. Савельева</i>	436
Крылатый кинжал. <i>Перевод Е. Суриц</i>	460
Злой рок семьи Дарнуэй. <i>Перевод Н. Санникова</i>	478
Призрак Гидеона Уайза. <i>Перевод А. Кудрявицкого</i>	500

ТАЙНА ОТЦА БРАУНА

Тайна отца Брауна. <i>Перевод К. Савельева</i>	521
Зеркало судьи. <i>Перевод В. Хинкиса</i>	528
Человек с двумя бородами. <i>Перевод К. Савельева</i>	548
Песня летучей рыбы. <i>Перевод К. Савельева</i>	566
Алиби актрисы. <i>Перевод К. Савельева</i>	583
Исчезновение Водрея. <i>Перевод В. Штенгеля</i>	599
Худшее преступление в мире. <i>Перевод К. Савельева</i>	616
Алая Луна Меру. <i>Перевод Н. Трауберг</i>	632
Последний плакальщик. <i>Перевод Н. Трауберг</i>	643
Секрет Фламбо. <i>Перевод К. Савельева</i>	657

СКАНДАЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ С ОТЦОМ БРАУНОМ

Скандалное происшествие с отцом Брауном. <i>Перевод И. Бернштейн</i> ..	665
Убийство на скорую руку. <i>Перевод К. Савельева</i>	681
Проклятая книга. <i>Перевод Н. Трауберг</i>	701
Зеленый человек. <i>Перевод К. Савельева</i>	712
Преследование синего человека. <i>Перевод К. Савельева</i>	729
Преступление коммуниста. <i>Перевод К. Савельева</i>	745
Острие булавки. <i>Перевод К. Савельева</i>	761
Неразрешимая загадка. <i>Перевод Н. Трауберг</i>	780

РАССКАЗЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

Сельский вампир. <i>Перевод Н. Трауберг</i>	795
Отец Браун и дело Даннингтонов. <i>Перевод Н. Трауберг</i>	805
Маска Мидаса. <i>Перевод К. Савельева</i>	815

Честертон Г. К.

Ч 51 Все расследования отца Брауна / Гилберт Кит Честертон ; пер. с англ. И. Бернштейн, Е. Коротковой, А. Кудрявицкого и др. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. — 832 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-07437-8

Гилберт Кит Честертон — признанный классик английской литературы, один из самых ярких писателей первой половины XX века. Классикой стали его романы и многочисленные эссе, однако любовь массового читателя принесли ему рассказы об отце Брауне, тихом, застенчивом священнике, мастерски раскрывающем наиболее запутанные загадки и преступления. Издание этих рассказов, начатое в 1911 году сборником «Неведение отца Брауна», растянулось на добрую четверть века, превратившись в детективную эпопею. Ее мудрый и непритязательный герой не читает блестящих лекций в духе Эркюля Пуаро и не создает великих теорий, подобно Шерлоку Холмсу. Он даже не всегда стремится наказать преступника, но со смиренной иронией и неизменным изяществом представляет все по местам.

Настоящее издание, представляющее полное собрание рассказов об отце Брауне, станет настоящим подарком для всех любителей английской литературы и качественной детективной прозы.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ГИЛБЕРТ КИТ ЧЕСТЕРТОН
ВСЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ОТЦА БРАУНА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валерий Камендо, Светлана Федорова,
Анастасия Келле-Пелле

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 12.03.2018. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 52. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах

на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ILN-15440-06-R